

MONGOLICA-XII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931)

Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931)

И. В. Кульганек

Особого порядка сознание¹ (к 130-летию Б. Я. Владимирцова)

В 2014 г. российское и мировое востоковедение отмечает 130-летие со дня рождения классика российского монголоведения, академика АН СССР, выдающегося специалиста в области монгольского языкознания, литературы, истории и этнографии монгольских народов Бориса Яковлевича Владимирцова (1884—1931). К этой дате отечественная наука подошла с изданием полного собрания трудов ученого², а архив Бориса Яковлевича пополнился материалами, переданными на хранение его родственниками³. Новым поколениям востоковедов стало доступно все наследие ученого — как оставшееся в рукописях, так и изданное после его кончины: это фундаментальные труды и статьи, посвященные отдельным вопросам, а также письменные и устные материалы, собранные во время экспедиций.

...Первого декабря 1923 г. в Петрограде в здании на Университетской набережной шло заседание Общего Собрания Российской Академии наук. На повестке дня было избрание членов-корреспондентов историко-филологического отделения по разряду восточной словесности. Среди баллотировавшихся был и профессор маньчжуро-монголо-татарского отделения Петроградского университета Борис Яковлевич Владимирцов. В свои тридцать девять лет он являлся автором двадцати семи трудов, в том числе — основополагающих для монголоведения. Ими были: «Монголо-ойратский героический эпос», «Волшебный мертвец», «Монгольский сборник рассказов из Панчантантры», «Монгольская литература». Уже тогда было признано, что «Владимирцов справедливо

может считаться одним из крупнейших, или даже «крупнейшим монголоведом нашего времени»⁴. Декабрьские события не были неожиданными ни для членов Общего Собрания, филологов и историков с мировыми именами — И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, П. К. Коковцева, Н. Я. Марра, ни для самого Владимирцова. По справке непрямого секретаря Академии наук, поданной им Общему Собранию 17 октября того же года, на двадцать мест академиков по разряду восточной словесности не было ни одного русского. Ненормальность такого положения бросалась в глаза. Ни одного отечественного академика по восточной словесности! А ведь совсем рядом, через несколько домов, на Восточном факультете университета работали выдающиеся знатоки живых и средневековых языков и литературы, собравшие громадный материал по этнографии и истории народов Востока. Многие из них подолгу жили в странах Востока. И даже в этой среде Б. Я. Владимирцов выделялся своей неумейной любознательностью, громадной работоспособностью, широтой научных интересов.

Гимназический курс Борис Владимирцов проходил в Калуге и Владимире, а окончить русскую гимназию ему пришлось на Украине — в Каменец-Подольске. Успехи были неровными: французский язык и география — «отлично». Проявлял юноша интерес и к биологии (на рабочем столе почетное место занимал микроскоп), но в целом гимназическая программа не оставила глубокого следа в его уме и сердце. Однако именно в те годы у будущего ученого вырабатывались самодисциплина и целеустремленность, которые заметили родители и педагоги. Борис Владимирцов едет в столицу Франции, где с 1900-го по 1904 г. ускоренно проходит полный курс гимназии. Получение им документа о среднем образовании совпало с началом русско-японской войны. Всеобщее внимание обращено на Восток, и Борис Яковлевич решает изучать Японию. Он поступает на Восточный факультет Петербургского университета. Знакомство с блестящими знатоками

¹ Статья является переработанным и исправленным вариантом статьи: *Кульганек И. Особого порядка сознание* // Нева. № 7. Л., 1984. С. 187—189.

² См.: *Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов* / Ред. кол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина. М., 2002; *Он же. Работы по литературе монгольских народов* / Ред. кол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина. М., 2003; *Он же. Работы по монгольскому языкознанию* / Ред. кол.: В. М. Алпатов (пред.) и др. Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина. М., 2005.

³ Архив Б. Я. Владимирцова находится в ИВР РАН (Ф. 4. Оп. 4. Д. 4948), а также в СПбФ АРАН (Ф. 780). В 1965 г. 107 дел 1871—1931 гг. было передано дочерью Б. Я. Владимирцова — Л. Б. Владимирцовой.

⁴ Все биографические данные о Б. Я. Владимирцове и цитаты, если не указан иной источник, взяты из архива СПбФ АРАН (Ф. 780) и Архива востоковедов ИВР РАН (Ф. 4. Оп. 4. Д. 4948).

монгольского языка В. Л. Котвичем и А. Д. Рудневым побудило его изменить первоначальное решение стать японистом и направить все силы на изучение монгольского языка. С этого времени и до последнего дня жизни Борис Яковлевич безраздельно посвятил себя истории и культуре монгольских народов.

На Восточном факультете Владимирцов получил глубокое и всестороннее образование. Его учителями были крупнейшие ученые века: В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. В. Радлов, А. Д. Руднев. Он прослушал курсы китайского языка, китайской литературы, истории Китая, маньчжурского языка и литературы, общий курс истории Востока, истории восточной части Средней Азии, государственного права, политической экономии. Еще студентом Борис Яковлевич впервые (но далеко не в последний раз) стал участником экспедиции в Монголию. Затем Владимирцов продолжил учебу во Франции и Англии, где занимался изучением Китая, монгольской и уйгурской эпиграфикой, после чего вновь отправился в Монголию для сбора этнолого-лингвистического материала.

Эта страна стала предметом не только научных интересов исследователя, но его глубокой, преданной любви, пронесенной через всю жизнь. «Я буквально мысленно пребываю в Монголии, и влечет меня туда ужасно», — писал он в одном из своих дневников.

С 1915 г. началась преподавательская деятельность Бориса Яковлевича в городе на Неве, в Университете, Восточный факультет которого был и остается поныне гордостью отечественной науки и центром востоковедения мирового значения.

Октябрьскую революцию профессор Владимирцов встретил сочувственно. «Мне кажется, — объяснял он свою позицию, — что теперь каждый должен быть на своем посту и посылно старательно делать свое дело». И действительно, в послереволюционные годы петроградско-ленинградская востоковедческая школа, дело, которому посвятил свой труд выдающийся ученый, достигли наивысшего расцвета.

...Просматривая записи Владимирцова в Дневниках Академии наук, которые ее члены получали сроком на год, нельзя не поразиться насыщенности каждого дня ученого. Владимирцов не был ни романтиком, ни слишком эмоциональным человеком. Его дневники лаконичны, информативны. Лишь изредка мы встретим тонкие и острые записи впечатлений от встреч с коллегами, например с известным этнографом Л. Я. Штернбергом: «Доброжелателен, шутник и вообще „не от мира сего“». В дневник заносились главным образом научные идеи, мысли, наблюдения, лингвистические и литературоведческие вопросы. И лишь одна восторженная заметка — о посещении оперного театра: «Днем читал, работал, вечером в театре „Ледяная дева“⁵ и читал. Чудесный день и

чудесный вечер». Но, наверное, не был бы так прекрасен для Владимирцова этот вечер, не предшествовал ему день, уложившийся в скупые строки: «читал, работал». А читал ученый много: библиография прочитанных им за месяц научных и художественных произведений часто включала до тридцати названий: Писемский, Достоевский, Лермонтов, Тургенев, Лесков, Чехов, Блок, Черный, А. Толстой... Интересы его были разносторонни: литература, искусство. Но все душевные силы отдавались науке. Квартира Владимирцовых на Петроградской стороне была местом оживленных научных споров. Даже в относительно свободные дни — по субботам — на обедах в этом доме (особенно во второй половине тридцатых годов) собирались в основном ученые. Здесь бывали академики: Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, Л. В. Щерба, В. М. Жирмунский, Ф. И. Щербатской. Но чаще других, почти каждую субботу, приходили коллеги-монголоеды: Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадийн, А. Н. Самойлович, А. В. Бурдуков, Б. Б. Бамбаев, В. А. Казакевич. Их связывали общая работа на факультете и совместные экспедиции. Б. Б. Барадийн и Б. Б. Бамбаев были секретарями и помощниками ученого во время этнолого-лингвистической экспедиции в Монголию в 1927—1929 гг. (а затем, когда Владимирцов отправился через Гоби в Китай, Б. Б. Барадийн остался начальником этой экспедиции). Из поездки в Пекин Борис Яковлевич привез много монгольских и маньчжурских рукописей, которые он обработал и впоследствии подарил Азиатскому музею. Сейчас многие из них хранятся в Институте восточных рукописей РАН. Коллекции, равной этой, в Европе нет.

Владимирцов был заботливым наставником молодых ученых, научный темперамент которого заражал каждого любознательного и пытливого человека. Встреча с ним оказала большое влияние на формирование научных интересов А. В. Бурдукова, человека необыкновенной судьбы, начавшего свою деятельность работником заготовительной компании в Монголии, ставшего впоследствии видным ученым монголоведом-филологом, великолепным знатоком быта и обычаев монголов, собирателем этнографического и лингвистического материала, преподавателем монгольского языка Ленинградского университета. К. В. Юрганова-Вяткина — выпускница Бестужевских курсов, увлекшись Монголией после встречи с Владимирцовым, собрала обширные этнографические данные. В рукописном фонде ИВР РАН есть рукописи, «полученные от К. В. Юргановой-Вяткиной».

Круг научных контактов Владимирцова был весьма широк: кроме писем от русских ученых В. Ф. Минорского, С. Е. Малова, В. Л. Котвича, в его архиве сохранилась переписка с профессорами Лейпцигского, Берлинского, Будапештского, Париж-

⁵ «Ледяная дева» — балет на музыку Э. Грига (собрана А. Гауком, Ф. Лопуховым, инструментована Б. Асафьевым).

Либретто и постановка Ф. Лопухова. Художник А. Головин. Первое представление: Ленинград, Театр оперы и балета, 27 апреля 1927 г.

ского университетов, с президентом Американской Академии политических и социальных наук, издателем Лондонского книжного издательства. Вместе с академиками В. М. Алексеевым, И. Ю. Крачковским, писателем Н. С. Тихоновым Владимирцов принимал участие в заседаниях коллегии экспертов восточного отдела редакции «Всемирная литература» (организованной А. М. Горьким). Коллегия разработала и частично осуществила план издания литератур Востока: Сирии, Персии, Индии, Ирана, Турции. Владимирцов был редактором издания «Памятники народной словесности монгольских племен», участвовал в комиссии Академии наук по исследованию Монголии, Тувы и Бурятии, не прекращая при этом педагогической деятельности в университете.

По замечанию академика В. М. Алексеева, Борис Яковлевич «выше всего ценил науку, понимая ее как особого порядка сознание, которому и подчинялся во всех своих поступках». Эта черта определила весь его путь и позволила, несмотря на недолгую жизнь, сделать очень много.

Владимирцов стал подлинным классиком востоковедения. Труды ученого и поныне не потеряли своей актуальности. Последние годы жизни Борис Яковлевич работал над монументальным исследованием по истории монголов «Общественный строй

монголов», ставшим важной вехой не только советской монголистики, но и исторической науки в целом. До выхода его в свет ученому дожить не довелось. Но трудиться он продолжал буквально до последнего часа. Утром 17 августа 1931 г. Борис Яковлевич сделал последнюю запись в своем дневнике: «Болела голова, писал». В полдень его не стало. Ученому было сорок семь лет...

Некогда Бориса Яковлевича тревожило то, что «в России абсолютно никто не знает о Монголии, никто ею не интересуется». Сегодня жизнь монгольских народов известна не только филологам и историкам. Большая заслуга в этом принадлежит петербургской/ленинградской востоковедческой школе. Изданы и прокомментированы многочисленные памятники монгольской письменности, в различных экспедициях собраны уникальные фольклорные и языковые материалы, изучены редкие экспонаты, созданы капитальные труды мирового научно-теоретического уровня.

Творческий ум и огромные знания ленинградского ученого Бориса Яковлевича Владимирцова внесли немалый вклад в научное осмысление исторического и культурного развития монгольских народов и народов Центральной Азии.